

Волошин

Андрею Дмитриеву

1

У безжизненных скал Карадага
бьётся в берег живая волна —
и становится пламенем влага,
и становится кровью луна.

В диком вое и плаче, и стоне,
Божий глас различив вдалеке,
Макс Волошин в холщовом хитоне
держит посох в бессильной руке.

2

Жил в краю, где волн и неба много,
человек в короне мудреца
с внешностью языческого бога
или ассирийского жреца.

Но когда настало лихолетье
и с ножом пошёл на брата брат,
стало время огненной клетью,
он сказал: «Я в этом виноват».

В сумрачной пещере Карадага,
среди скал, где гром идёт на гром,
пламенными буквами бумага
покрывалась под его пером.

Светлый Ангел в одеянье тонком,
тронув ткань волошинской строки,
укреплял и нас, его потомков,
в дни гражданской смуты и тоски.

Аммониты

Станиславу Минакову

«Стыдно быть богатым и знаменитым», —
Так сказал однажды один поэт.
И слова, подобные аммонитам,
мы из недр скалы извлекли на свет.

В них пространство движется по спирали,
но не слышит мир их благую весть...
А когда-то русские умирали
за Отечество, Веру, Царя и честь.

Есть у слов тела и святые лица,
если мы их видим — мы не умрём,
и покуда новая чернь глумится
над Отечеством, Верою и Царём,

в тяжком мире мрамора и гранита,
в неподвижной, чёрной, глухой скале
я лежу подобием аммонита,
чтобы стать подобием динамита
и продолжить спор о добре и зле.

Антидот

Князь земного мира открыл ворота,
чтоб из слов и звуков сочился яд.
Мы живём — но нет у нас антидота,
мы не помним смысла имён и дат.

Мир вокруг шатается и двоится
и зачем-то в будущее плывёт.
Выпит яд. Христос заключён в темницу.

Как понять, что нужен нам антидот?

На Сыропустной седмице

Клубится огня невесомая пыль,
разрушены каменных башен бойницы.
О чём говорит нам пророк Иоиль
во вторник и среду на Сырной седмице?

Я вижу на ветке осины грача,
кричит он, что всадники вышли из ада,
а следом за ними летит саранча,
и шум её крыльев — как шум водопада.

Какими-то звуками воздух забит —
то гул самолёта, то автомобиля...
Но, видимо, грач, что на ветке сидит,
внимательно Книгу читал Иоиля.

Иконописец

Венчает небо украинский місяць,
а где-то рядом пасть открыл дракон...
Личины адописанных икон
упрятал под левкас иконописец.

Закрыв глаза, он убегает прочь,
подобно колдуну из «Страшной мести».
Тиха, глуха украинская ночь,
и всё идёт по плану, честь по чести.

Не знаю, кем придуман этот план
и кто навёл на лик иконы глянец —
католик, осторожный польский пан,
иль грубый атеист американец?

И в царстве искажений и подмен
одеи вора в красную рубаху,
чтоб он смотрел, как хлещет кровь из вен
святой Руси, отправленной на плаху.

Поминальные записки

памяти иеромонаха Пантелеимона

1

У записок памятных, поминальных
есть над нашим сердцем такая власть,
что в тяжёлой качке вагонов спальных
можно кануть в Лету, совсем пропасть,

как свиное стадо, сорваться в бездну
или — скажем проще — дойти до дна
и понять, что мелки и бесполезны
наши жизни, смерти и имена,

а потом воскреснуть в кадильном дыме,
стать младенцем в облачных пеленах,
потому что чьё-то святое имя
в алтаре вознёс к небесам монах.

Пламенеют звёзды, горят Стожары,
в небесах свершается торжество,
и огнём охвачены Санаксары
от молитв монаха и слёз его.

2

В чей-то дом младенца приносит аист,
расцветают розы среди зимы,
потому что молится Богу Каллист —
верный друг Григория Паламы.

По его молитвам сухому стеблю
возвращает жизнь Илия пророк,
и огонь с небес, что сошёл на землю,
проступает пламенем между строк.

И огнём охваченные записки
реют, словно аисты, в облаках,
и епископ молится Диоклийский,
держит имя «Каллист», как меч, в руках.

3

В человеческих судьбах и в их именах
обнажился провал. Час прощания близок.
И печальную повесть увидел монах
где-то там, в череде поминальных записок.

За окном алтаря тень сосновых стволов
заслонила пространство завесою плотной.
Взял записку монах, чтобы несколько слов
начертать на её стороне оборотной.

Как он радостен был, как сердечно умён!
И теперь повторяю я снова и снова,
что изменчивый облик судеб и имён
нам светил сквозь его драгоценное слово.

Старец Севастиан

1

В Казахстане рыл, словно крот, землянки
и трудился в шахтах крестьянский люд:
чтоб винтовки были в стране и танки,
получил он право на рабский труд.

Но монах, прошедший сквозь огонь Карлага,
встал, молясь, как дерево на юру,
и сказал, что всё нам дано во благо,
а Россия вся — монастырь в миру.

И на общем кладбище, где могилы
без крестов уходят за горизонт,
он молился Богу, теряя силы,
открывал какой-то незримый фронт.

Поминальная совершалась треба,
и, воскреснув, люди вставали в ряд...
Молвил старец: «Здесь от земли до неба
на могилах мучеников горят

не лампы и не простые свечи,
а столпы вещественного огня».

Что за груз взвалил он себе на плечи?
и каким он взглядом пронзил меня?

2

Странный ветер мечется в Кулундинской
растревоженной, снежной, глухой степи,
но какой-то старец Карагандинский
Заболоцкому говорит: «Терпи!
Знаю я: мы ещё попадём с тобою
в те края, где стонет святая рать,
будешь ты, поэт, как шахтёр в забое,
в муках слово русское добывать».

3

Пробежали быстро недели марта,
и в апреле сумрачном, на Страстной,
отошла под утро крестьянка Марфа —
не спеша отправилась в мир иной.

И она попала туда, где светел
бытия таинственный океан...
И крестьянку, словно царицу, встретил
казахстанский старец Севастиан.